

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

15(2)95
С 56

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

26164

МАРНИИ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

5

9 АПР 1973

СЕНТЯБРЬ - ОКТЯБРЬ

1 9 6 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

T5(2)Я5
с 56

Т. Ф. АРИСТОВА, Г. П. ВАСИЛЬЕВА

ОБ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ

(О сближении курдов с туркменами)

В настоящее время у всех народов СССР наблюдаются сложные этнические процессы, приводящие к консолидации этих народов, к исчезновению обособленности и замкнутости и постепенному слиянию отдельных мелких этнографических групп с социалистическими нациями и сближению отдельных наций друг с другом. Эти процессы протекают среди всех народов СССР¹, они наблюдаются и среди национальных меньшинств Туркменской ССР, в частности, у курдов². До настоящего времени курды Туркмении в этнографическом отношении мало изучены, несмотря на то, что здесь они поселились ранее, чем в других местах Средней Азии³.

Общая численность курдов в Туркмении по переписи 1959 г. составляет 2263 чел.⁴, однако следует отметить, что некоторая часть курдов, живущих в городах и районных центрах, записалась туркменами или азербайджанцами.

Курды Туркмении в основном живут в южных прикопетдагских селениях, расположенных в Ашхабадском и Геок-Тепинском районах республики, а также в городах Ашхабаде, Мары и Байрам-али. В последние два пункта курды переселились из прикопетдагских районов в 1930-х гг. В этот же период часть их поселилась в других республиках Средней Азии и в Казахстане. Во время полевых исследований было выявлено, что именем «курд» в Туркмении называют не только собственно курдов (самоназвание «курмандж»), говорящих по-курдски, но и очень близкую к ним антропологически и этнографически тюркоязычную группу, именующую себя «тюрк»⁵.

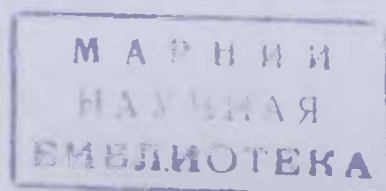
¹ См. В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Основные направления этнических процессов у народов СССР, «Сов. этнография», 1961, № 4.

² Статья написана по материалам Курдского отряда Среднеазиатской экспедиции, работавшего в мае — июне 1962 г. в Ашхабадском и в Геок-Тепинском районах ТССР.

³ Всего в Средней Азии переписью 1959 г. зафиксировано более 14 тыс. курдов. Помимо Туркмении, курды живут в Киргизской, Узбекской и Казахской союзных республиках.

⁴ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Туркменская ССР», М., 1963, стр. 128.

⁵ Во время переписи 1959 г. они были записаны курдами. В дальнейшем в статье обе эти группы будут рассматриваться под общим условным названием «курды», за исключением тех случаев, когда речь пойдет о каких-либо особенностях, отличающих эти группы одну от другой.

Тюрки обитают в сел. Гермаб и частично в поселке Фирюза; в последнем наряду с тюрками живет также население, говорящее по-курдски⁶.

Расселение курдов в Туркмении на территории упомянутых выше районов не случайно. Все они являются выходцами из Ирана, из смежных районов Хорасана, входивших в XIX в. в ханства Дерезгезское, Келатское, Родканское, Кучанское и Буджнурдское.

Старики-курды помнят, что их предки в Хорасане жили в селениях Кельте-Чинар, Шамхан, Поллкон, Кюркон, Мальян, Сиспар, Меланжир, Зидар, Рабат, Хейрабат, Джафарабад, Хальва-Чешме и др. В восточном Иране, где до настоящего времени курды и тюрки составляют значительный процент населения, основная масса курдов появилась, видимо, со времен царствования шаха Аббаса I, который, создавая здесь пограничный заслон, переселил этих воинственных кочевников из более западных районов⁷. Однако в литературе встречаются упоминания и о том, что курды жили в восточном Иране гораздо раньше, начиная с X в.⁸ В XI—XII вв. они вместе с арабами участвовали в завоевательных походах сельджукидов⁹.

В XVIII в. политику шаха Аббаса продолжал Надир-шах. В этот период в Хорасане было поселено крупное курдское племя амарлу¹⁰. Наряду с этим племенем в восточном Иране в XVIII—XIX вв. наибольшее значение имели племена зафаранлу, шадиллу, кайванлу, чемшкезек. Последнее племя русским путешественникам этого времени, по-видимому, не было известно, однако о нем говорят персидские и хивинские авторы¹¹. Племена эти делились на множество мелких родовых групп (тупар), некоторые из них сохранились в памяти стариков до нашего времени. Наиболее воинственные и крупные в эпоху Надир-шаха племена в последующий период в силу различных исторических причин уменьшились в числе и утратили свою прежнюю роль (амарлу, кайванлу)¹²; наоборот, другие, в прошлом незначительные родовые группы, становились более многочисленными и более известными.

⁶ В книге Ч. Х. Бакаева «Говор курдов Туркмении» (М., 1962) содержатся неточности относительно численности и расселения курдов Туркмении. Во «Введении», где перечислены населенные пункты, в которых, по данным Ч. Х. Бакаева, живут курды (стр. 6), не указано, что в большинстве названных селений курдоязычное население состоит всего из нескольких семей, а в таких пунктах, как Фирюза, Гермаб, Маныш, традиционно считавшихся «курдскими», большинство «курдов» говорит либо на тюркском (Гермаб, Фирюза), либо на туркменском (Маныш) языке. В селении Нохур, сколько нам известно, вообще нет курдов.

Еще большее сомнение вызывает численность курдов Туркмении (около 20 тыс. чел.), приведенная Ч. Х. Бакаевым в его книге (стр. 6), как он пишет — «по нашим данным». Даже если принять во внимание, что перепись 1959 г., возможно, учла не все курдоязычное население, так как часть его назвала себя туркменами или азербайджанцами, то цифра, приведенная в книге, все же оказывается слишком завышенной и включает, видимо, часть туркмен, составляющих основное население перечисленных Ч. Х. Бакаевым в его «Введении» селений.

⁷ Л. К. Артамонов, Астрабад-Шахрудский район и северный Хорасан, ч. II, вып. 1, Тифлис, 1894, стр. 143; В. Бартольд, Историко-географический обзор Ирана, СПб., 1903, стр. 62; П. М. Власов, Статистические сведения о Дерезгезском, Кучанском, Буджнурдском и Келатском округах Хорасана 1894 г., «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. LVI, СПб., 1894, стр. 126, 158.

⁸ Ал-Истахри, Китаб месалик ал-мемалик, «Материалы по истории туркмен и Туркмении» (далее МИТТ) I, М.—Л., 1933, стр. 175.

⁹ Абул-Фазль Бейхаки, Тарих-и-Бейхаки, МИТТ, I, стр. 256; Абу-наسر Ал-Утби, Китаб ал-йамини, там же, стр. 226 и др.

¹⁰ W. Ivanow, Notes of the ethnology of Khorosan, «The Geographical Journal», 1926, № 2, стр. 150.

¹¹ Мирза Мехди-хан Астрабадский, Тарих-и-Надири, МИТТ, II, М.—Л., 1938, стр. 137; Муниси Агехи, Фирдаус-уль-икбаль, там же, стр. 333.

¹² W. Ivanow, Указ. раб., стр. 150.

В интересующих нас районах Хорасана тюркоязычное население появилось очень рано, еще в конце I тысячелетия н. э., но особенно увеличилось число различных тюркских групп со времен походов сельджукидов. Известно, что в течение всего средневековья многие тюркские племена продолжали играть в Хорасане большую роль. Наиболее известными среди них были племена баятов, афшаров и туркмены.

К концу XIX — началу XX в. в пограничных с Туркменистаном районах Хорасана этнический состав населения был весьма пестрым. Помимо курдов и коренного персидского населения, численность которого была невелика¹³, здесь жили арабы, белуджи, цыгане, туркмены и много других различных тюркоязычных групп. Из них иногда выделяли лишь баятов, видимо, более многочисленных и сохранивших своеобразие; другое тюркоязычное население известно исследователям XIX в. под общим именем «тюрк»¹⁴.

В XIX в. тюркские и курдские поселения в Хорасане располагались по соседству, а в начале XX в. в некоторых из них население было смешанным: в одной части жили курды, а в другой тюрки¹⁵.

Некоторые авторы отмечали, что многие курдские племена (зафаранлу, шадиллу и др.), живя в соседстве с тюрками, постепенно забыли родной язык и перешли на тюркский. Официальным языком Хорасана, как и других областей Ирана, считался персидский (фарси)¹⁶.

Занимая в Хорасане территорию по границе с Туркменистаном, курды-скотоводы в особо снежные зимы перекочевывали со стадами на северные склоны Копет-Дага, где и зимой сохранялась трава, а на лето возвращались в свои деревни в Хорасане. Часть курдов Дерезгезского ханства постоянно жила возле Абиверда (развалины средневекового Абиверда находятся неподалеку от селения и железнодорожной станции Каахка)¹⁷.

Первоначальными местами обитания курдов в Туркмении были селения на юге и юго-западе от Ашхабада в горах: Алибег, Гиндовар, Сюлюкли, а также некоторые селения, расположенные восточнее — Маныш, Кадамга, Таза-Хисар и др., где курды поселились на рубеже XIX и XX вв. в «саранчовый год»¹⁸. Тюрки в это же время обосновались в селениях Кулкулаб, Гермаб, Сюлюкли и др. Фирюзинское ущелье было освоено курдами и тюрками значительно раньше, чем указанные районы. Сначала курды и тюрки селились обособленно; только в селениях Гермаб и Прохладное тюрки сразу же поселились вместе с русскими-молоканами, обосновавшимися здесь незадолго до этого.

Однако обособленные курдские селения просуществовали недолго: поселившиеся в них курды не имели ни скота, ни земли, и это вынуждало их арендовать землю в соседних туркменских аулах; те же, кто

¹³ Там же, стр. 146, 147.

¹⁴ Л. К. Артамонов, Указ. раб., стр. 143, 175—178; С. Е. Yate, *Khurasan and Sistan*, Edinburgh and London, 1900, стр. 376—381 и др. Следует отметить, что различные авторы тюркоязычное население одних и тех же районов Хорасана называли по-разному: турки, тюрки, азербайджанцы. См. А. М. Никольский, Поездка в северо-восточную Персию и Закаспийскую область, «Зап. Русского географического общества по общей географии», т. XV, № 7, СПб., 1886, стр. 10.

¹⁵ W. Ivanow, Указ. раб., стр. 147; Бендерев, Астрабад-Бастамский район Персии, Поездки по району в 1902 г., Асхабад, 1904, стр. 177.

¹⁶ W. Ivanow, Указ. раб., стр. 147; Бендерев, Указ. раб., стр. 177.

¹⁷ П. М. Лессар, О распределении вод Келата и Дерезга между этими ханствами и Атеком. Восточный берег Теджена у Сарахса и южнее его. «Сборник геогр., топогр. и статист. материалов по Азии», вып. VI, 1883, стр. 76.

¹⁸ Г. Карпов, Национальные меньшинства ТССР, «Туркменоведение», Ашхабад, 1931, № 3—4, стр. 65. Таза-Хисар был основным селением дерезгезских курдов.

жил в дачных местностях Фирюзе, Чули, должны были наниматься в качестве садовников, сторожей и истопников в семьи русских чиновников или купцов.

Так постепенно часть курдов стала жителями туркменских аулов — Багир, Кеши, Бекрова, Кипчак, Геокча и др. Однако поселившиеся в Туркмении курды еще длительное время поддерживали постоянную связь с родственниками, оставшимися в Хорасане¹⁹.

В настоящее время среди курдов Туркмении сохраняются в памяти стариков следующие названия родов (тупар): Дурунганли, Бадыллы, Хессе, Сеффе, Сафкон, Шарэ, Джалали и др.²⁰ Из перечисленных тупаров в Хорасане в XIX в. были хорошо известны два: Джалали и Бадыллы (Бадилу).

У группы населения, называющей себя «тюрк», а свои родовые подразделения — «тире», были распространены такие названия, как Корлер, Беглер, Кесиклер-курайлар, Карахан, Кюрдовле, Бильоре, Бугаерлы, Галпак, Емрели и т. д. Эти названия родов в известной нам дореволюционной литературе не встречаются.

* * *

В годы советской власти образовалась туркменская социалистическая нация, в состав которой постепенно входят и мелкие нетуркменские, в прошлом обособленные группы — уйгуры (таранчи), белуджи, джемшиды, курды и др. Они воспринимают туркменский язык и туркменскую социалистическую культуру, обогащая ее вместе с тем элементами своей культуры. В частности, там наблюдается интенсивный процесс сближения курдской и туркменской культуры. Этому процессу чрезвычайно способствуют совместное проживание курдов и туркмен, совместная работа на промышленных предприятиях и в колхозах, обучение в школах и вузах на туркменском языке, смешанные браки и ряд других не менее важных факторов.

Процесс сближения курдов с туркменами начался еще до революции, однако в прошлом он был весьма затруднен, так как курды были еще в более угнетенном положении, чем туркмены, и подвергались жестокой эксплуатации и со стороны туркменских баев.

Во время набегов (аламан) на Хорасан туркмены захватывали в плен курдских и персидских девушек, которые становились наложницами зажиточных туркмен или женами бедняков. Дети от этих смешанных браков, называвшиеся «ярым», пополняли группы юридически неполноправных членов туркменской общины.

После присоединения Туркмении к России прекратились набеги туркмен на соседние области. Однако с развитием капиталистических отношений возросла стоимость калыма за девушек-туркменок. Бедняки, не имевшие возможности купить себе жену из «иг» («чистокровных») туркменок, брали «ярым» или курдянок, калым за которых был значи-

¹⁹ Подтверждением правильности сведений наших информаторов служат материалы переписи 1926 г., зафиксировавшей наибольшее число курдов и тюрков в указанных выше селениях, см. «Перепись 1926 г. Туркменская ССР, Полторацкий округ», Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 421. Всего в Полторацком округе курдов и тюрков по переписи 1926 г. было 1661 чел.

²⁰ Ч. Х. Бакаев (Указ. раб., стр. 3) приводит другие «племенные», как он пишет, названия курдов, живущих в Хорасане и в Туркменской ССР: Закранли, Севканли, Джиристанли, Кошханеги, Сомолганли, Манеги, Керемани, Дерегези, Бичаранли, Кучани, Толи; из них только Севканли идентично приведенному нами тупару (роду Сафкон; большая часть остальных является, вероятно, не племенными, а локальными наименованиями, указывающими, из каких районов Хорасана пришли туркменские курды: Джиристанли, Дерегези, Кучани и др.

тельно ниже. Особенно участились случаи продажи курдских девушек туркменам в начале XX в., когда в «саранчовый» и последовавшие за ним голодные годы курды, не имея средств к существованию, брали за своих дочерей баснословно низкий калым²¹, иногда даже мешок джугаровой муки. Выдав дочь замуж в туркменский аул, курд с семьей также обычно переселялся туда. Между семьями тестя и зятя постепенно устанавливались прочные связи, воспринимались некоторые навыки и обычаи.

Однако туркмены-текинцы продолжали сохранять несколько презрительное отношение к курдам, и к семьям, где была жена-курдянка, относились свысока. Своих девушек за курдов они не выдавали.

В этой связи весьма интересен и заслуживает дальнейшего изучения вопрос о браках курдов с туркменками-аннаули.

Как известно, аннаули принадлежали к числу тех небольших туркменских племен, которые обитали в прикопетдагских районах до прихода сюда текинцев и, видимо, были наиболее прямыми потомками древнего ираноязычного населения этих мест. Возможно, это обстоятельство было причиной установления прочных брачных связей между курдами и аннаулинцами; эти связи, по данным наших информаторов, существовали издавна. Курдское население Дерезгезского ханства, охватывавшего в начале XIX в. и территорию расселения аннаули, так же как и курды других районов Хорасана, предпочитало брать себе в жены девушек этого племени, поэтому все туркменские курды до настоящего времени считают туркмен-аннаули своими «даи» (дядя, родственник по материнской линии), а аннаулинцы курдов — «еген» — племянниками. Браки туркмен-аннаулинцев с курдянками случались значительно реже.

Браки с аннаулинками в течение ряда поколений привели к тому, что дерезгезские курды сохранили меньше курдских черт в своем облике, а их культура сблизилась с культурой аннаулинцев.

В селениях Кадамга и Маныш (в восточной части Ашхабадского района), где раньше курды жили вместе с аннаули, большая часть населения говорит на аннаулинском диалекте туркменского языка, а курдский знают только старики.

В наши дни смешанные браки стали гораздо более частым явлением, чем раньше. Курды женятся на русских, татарках, туркменках, встречаются случаи, правда, пока только в городах, когда курдянки выходят замуж за азербайджанцев и туркмен.

В настоящее время большинство курдов еще четко сохраняет свое национальное самосознание, осознает себя народом, отличным по происхождению от туркмен, но их национальная культура, развиваясь в тесном контакте с туркменской и под значительным влиянием русской городской культуры, неуклонно идет к дальнейшему сближению с туркменской.

Основная масса курдов — колхозники, часть работает в совхозах, на промышленных предприятиях и в учреждениях. Везде — и в сельском хозяйстве, и в промышленности, курды трудятся вместе с туркменами, русскими, азербайджанцами, казахами и др. Совместная работа, общие трудности и победы способствуют стиранию национальных различий.

Такие стороны материальной культуры курдов, как поселение и жилище, почти полностью утратили свои этнические особенности и схожи с туркменскими.

²¹ Г. И. Карпов, Национальные меньшинства в Туркмении, «Туркменоведение», 1931, № 3—4, стр. 66.

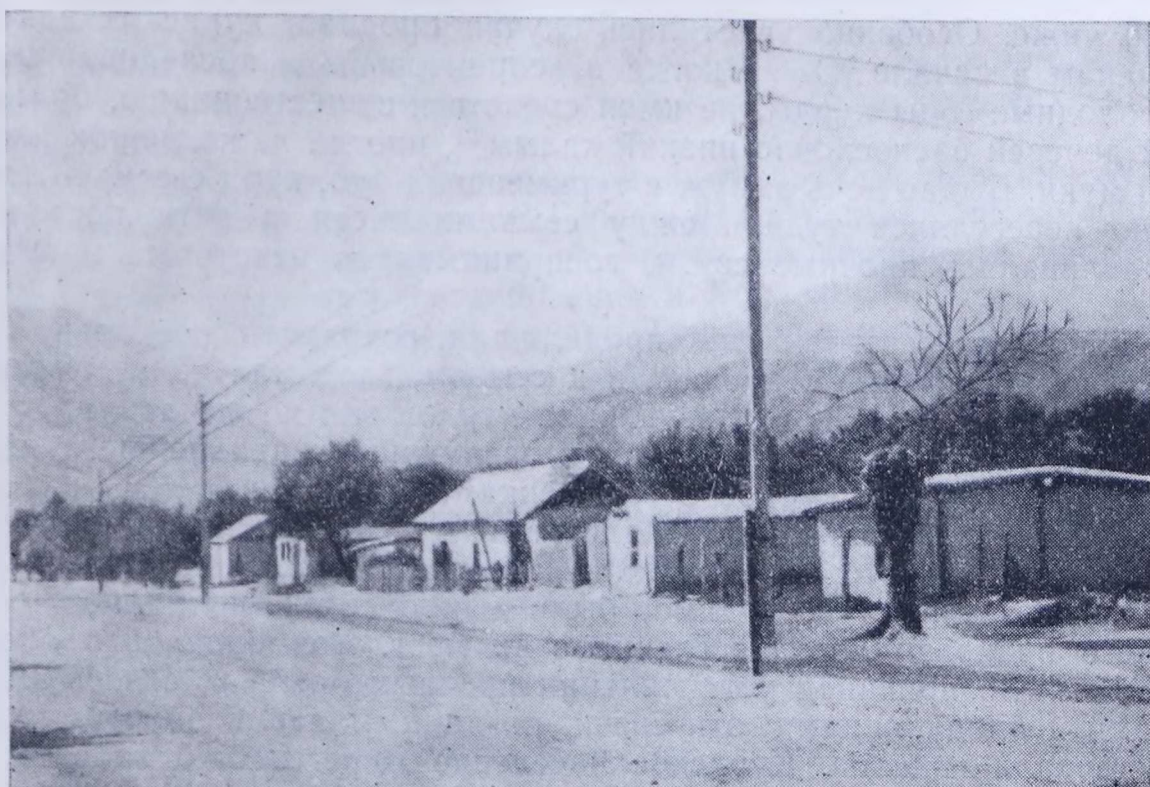

Рис. 1. Улица в селении Гермаб

Ныне курды живут в селениях Багир, Бекрова, Ян-баш, Фирюза, Чули, Маныш и Гермаб. В большинстве из них наряду с курдами живут также туркмены, тюрки или русские.

В наиболее крупном из указанных селений — Багире значительный процент жителей составляют туркмены. В основной части селения прежнее обособленное расселение нарушено: туркмены и курды живут попеременно, выселки Ян-баш, расположенные на восток от Багира, почти целиком заняты курдами. В селении Фирюза, разделенном на четыре большие части (называемые местными жителями поселками), население распределяется следующим образом: в первом поселке живут русские, курды и персы, во втором — русские и курды, в третьем — тюрки и курды и очень немного русских, четвертый же поселок заселен только туркменами. В селении Гермаб в настоящее время обитают тюрки, кроме них, имеется еще несколько семей курдских, туркменских и русских. В остальных селениях, где курды составляют меньшинство, а также в городах, они живут попеременно с туркменами и другими национальностями.

Огромные изменения в жилищно-бытовых условиях сельского и городского курдского населения Туркмении произошли за годы советской власти, особенно за последние десятилетия. Поселки, в которых живут курды, — уличного типа (рис. 1). На главной улице наряду с жилыми домами располагаются обычно общественные постройки: школа, почта, сельский магазин, медицинский пункт или больница, клуб и т. д. Дома стоят в начале приусадебного участка, фасадом на улицу; хозяйственные помещения находятся позади дома на участке и с улицы не видны. Участок отгораживается от улицы и соседнего дома невысоким забором.

Жилище курдов Туркмении в прошлом было еще более примитивным, чем туркменское этих же районов. Значительная часть курдского населения ютилась в землянках и полуземлянках из камня и глины; в одном помещении нередко находились и люди, и скот.

а

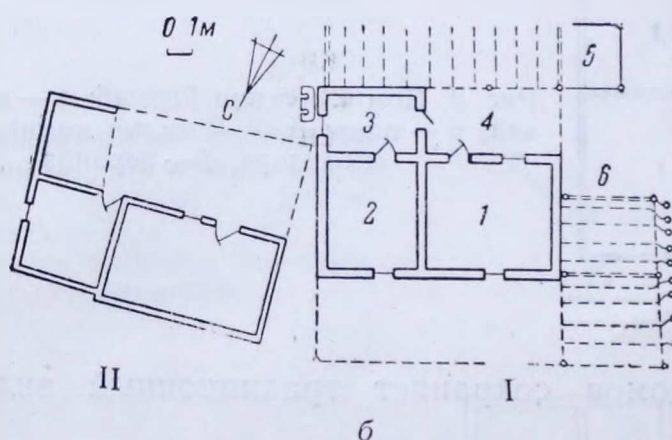
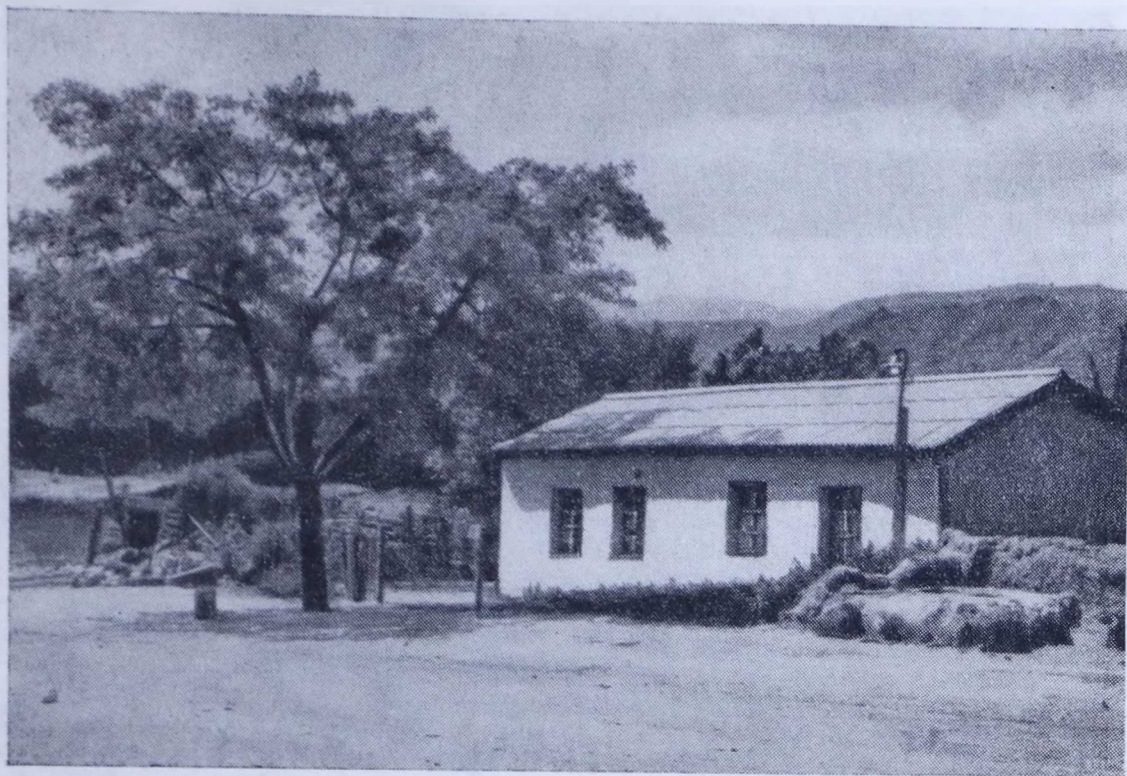

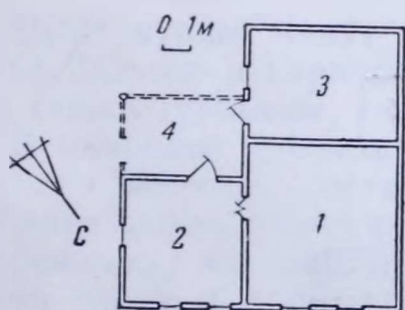
Рис. 2. Курдский дом в селении Багир; а — внешний вид, б — план; I — новый дом, II — старый дом, используемый как хозяйственное помещение; 1, 2 — жилые комнаты, 3 — передняя «колидор», 4 — веранда, 5 — настил для сна летом, 6 — навес из винограда

В настоящее время большинство домов в селениях — из жженого или сырцового кирпича на каменном фундаменте, с плоско-двускатными, двускатными или четырехскатными крышами — железными, шиферными или черепичными. В домах большие светлые окна, деревянные полы и потолки, обитые фанерой, покрытой светлой масляной краской. В зимнее время комнаты отапливаются печами, сложенными из кирпича. План дома обычно несложен: две-три просторные комнаты соединяются небольшой прихожей. В каждом доме строят застекленную террасу, перед которой делается виноградная беседка, где летом семья проводит большую часть времени (рис. 2, 3).

По внешнему виду дома курдов-колхозников ничем не отличаются от соседних туркменских домов. Своеобразие сохраняется во внутреннем убранстве, сказывающемся в характере расположения вещей; в городах и в домах сельской интеллигенции эти традиционные черты в убранстве уже исчезли — покупная мебель широко вошла в быт на-

а

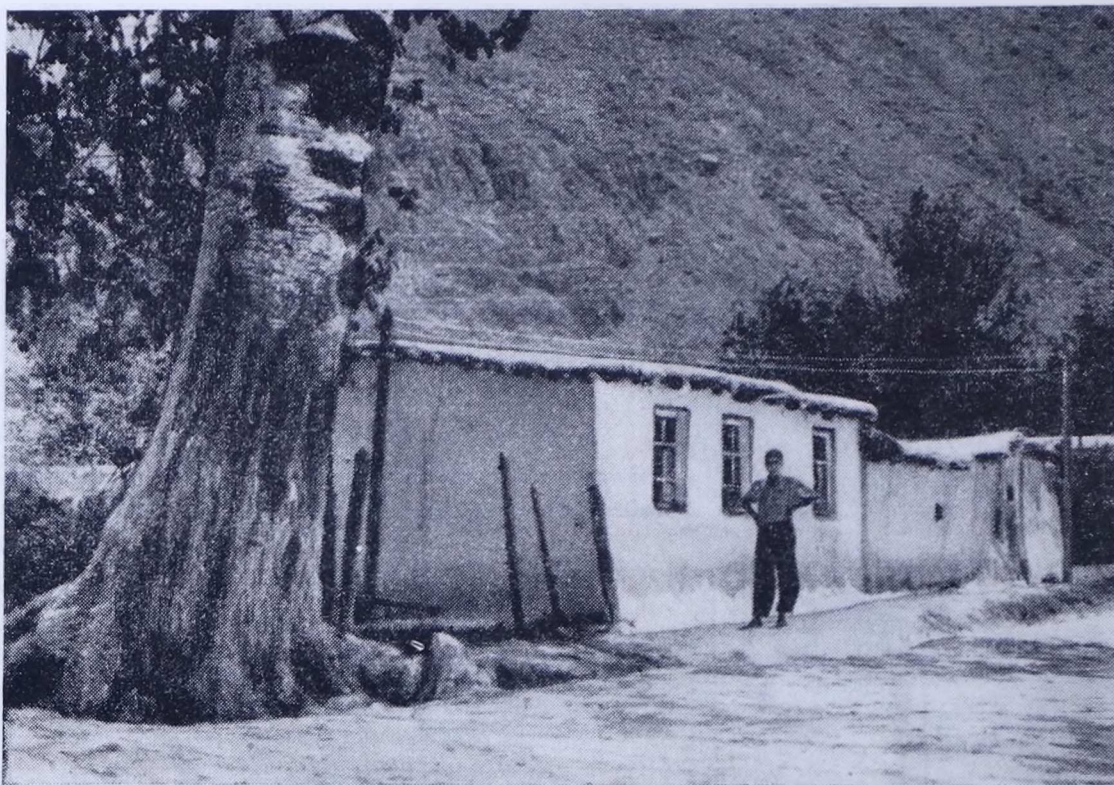
б

Рис. 3. Дом в селении Гермаб; а — внешний вид, б — план; 1, 2 — жилые комнаты, 3 — «колидор», 4 — веранда

селения. Часть домов сохраняет традиционный вид и планировку (рис. 4).

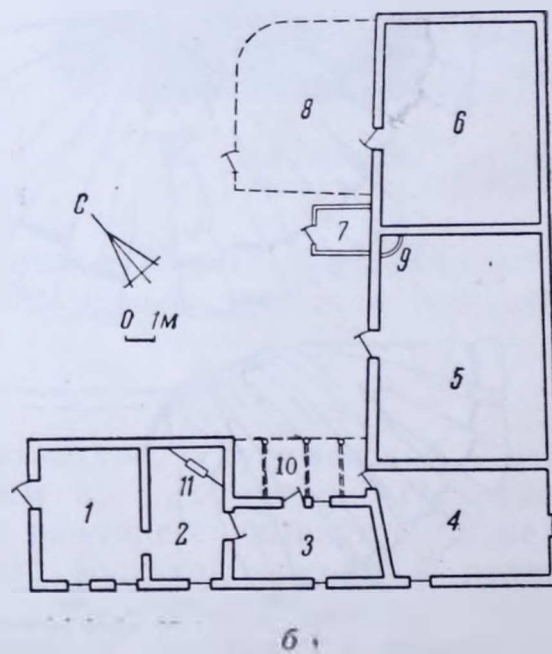
Традиционная утварь, представленная медными или каменными котлами (сител, беруш, харкара) для варки пищи, мисками (лангари, шокаса) или глиняными кувшинами с ручками и т. д., почти не сохранилась в быту — она заменяется фарфоровой и эмалированной посудой фабричного производства. Чай в пиалах подают на медном подносе (сини). Заметно меняются обычаи, связанные с приемом пищи: лишь в немногих семьях еще едят из общей посуды, широко распространились ножи и вилки, которых раньше не употребляли при еде.

Большие изменения можно наблюдать в ассортименте кушаний и их приготовлении. Появление овощей, круп, макаронных и кондитерских изделий очень разнообразит пищу курдов и делает ее менее специфичной. Прочно вошли в быт многие кушанья других народов: туркменские — лепешки («чурек»), зеленый чай, «чал» (заквашенное верблюжье или коровье молоко), арбузный и виноградный мед, плов, приготовленный по-туркменски, и др.; русские и украинские — борщи, котлеты, винегрет, печения и бисквиты домашнего приготовления и т. д. Однако сохраняются также традиционные кушанья. До сих пор еще во время праздников и семейных торжеств пекут пшеничные слоеные лепешки с медом или патокой («фатер мяска»), готовят плов («пелав») по-курдски на топленом масле с добавлением жареной лап-

а

Рис. 4. Дом традиционного типа в селении Гермаб; а — внешний вид, б — план: 1, 2 — жилые комнаты, 3 — «колидор», 4 — кладовая, 5 — сарай для скота, 6 — сарай, 7 — курятник, 8 — загон из хвороста, 9 — ахыр, 10 — долан, 11 — колыбель

ши («ариште»), кушанье «талхан» из вареной и затем высушенной дыни, смешанной с пшеницей и т. д.

Для приготовления свадебного хлеба употребляют чугунный круглый лист — «сил», котрый кладут на очаг.

Своеобразие национальной культуры особенно подчеркивается женской одеждой, общей для курдов и тюрков, бытующей в сельских местностях и частично в городах.

Комплекс женской национальной одежды составляют: рубаха («крос», «койнех») с небольшими разрезами по бокам²²; широкие штаны («шилваре бынэ», «кадаи шилвар»), похожие на юбку, которые носят в качестве нательной одежды; верхняя юбка («шилваре сар», «чит шилвар»); короткая верхняя кофта («кулла», «кулладжа») и

²² Женщины группы тюрк носят рубаху длиной до бедер, курдянки — несколько короче.

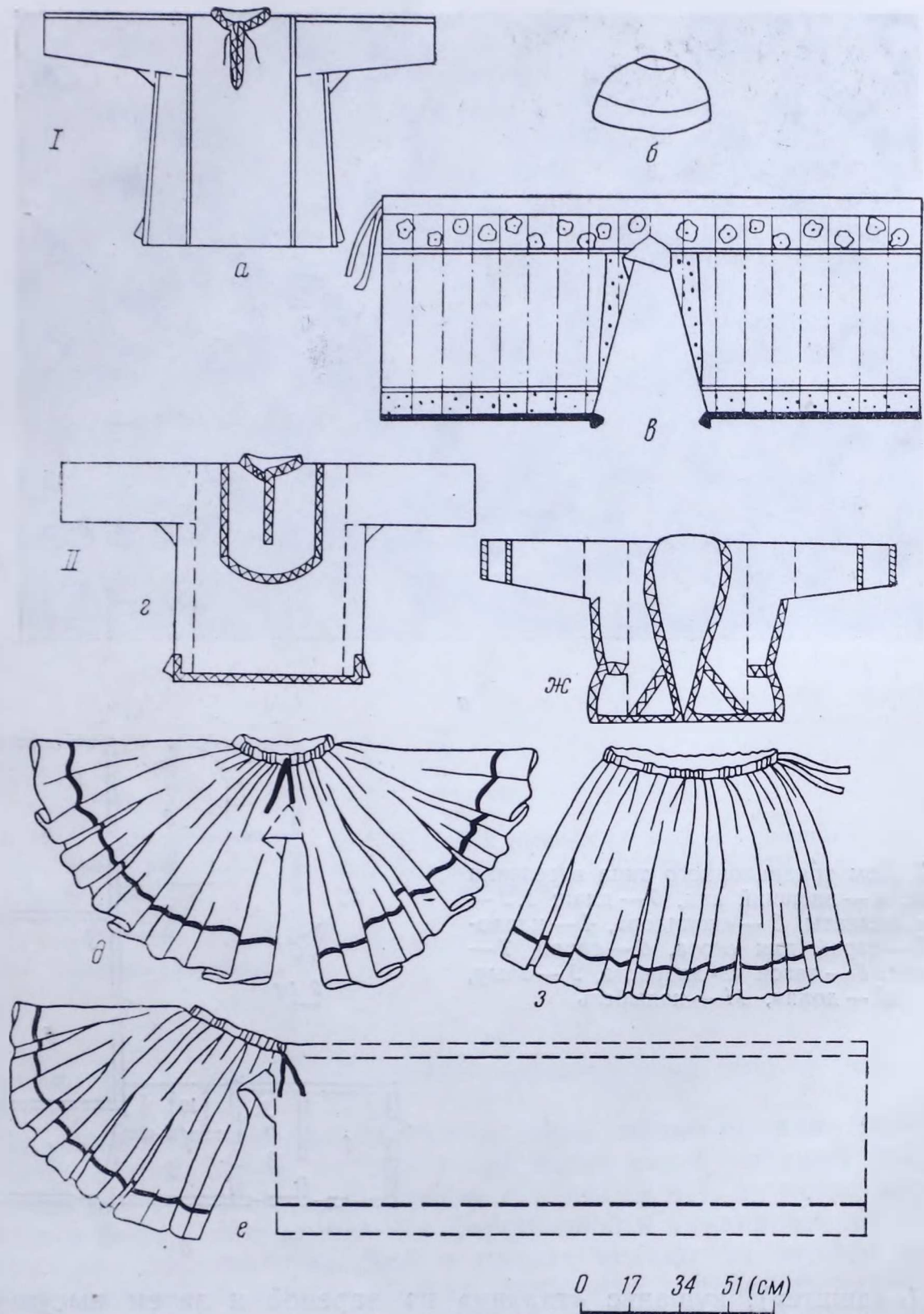

Рис. 5. Традиционная женская одежда: I — элементы костюма пожилых женщин группы тюрк (а—в); II — элементы национального костюма курдских женщин (г—з)

шапочка («кум», «культа»), прикрытая сверху платком, обычно из марли или кисеи («кавн»), а в праздничные дни — шелковым («чаршав») или шерстяным («шаль»); носки или чулки — белые, одноцветные («буджоли») или цветные («куррук», «джораб») и фабричная обувь.

В отличие от курдов в группе тюрк до недавнего времени старые женщины носили рубаху «койнех» с широкими штанами («потча», «балах») на подкладке, простеганными через 15—20 см продольными

стежками; кадаи шильвар и чит шильвар надевали лишь молодые и женщины средних лет. В настоящее время потча встречается довольно редко, чаще тюркские женщины носят кадаи шильвар без верхней юбки, надевая последнюю в праздники и когда идут в гости.

Женскую одежду шьют из сатина, штапеля и других легких тканей. Юбки делают из цветастых тканей, рубахи предпочитают из однотонных тканей зеленого, розового или синего цвета. Юбку-штаны обычно делают темно-зеленого или синего цвета, верхние кофты шьют из плюша и бархата (рис. 5).

Одежда девушек также отличается от современной туркменской и старой курдской. Раньше курдские девочки до 11—12 лет ходили в длинной туникообразной рубахе, а затем надевали обычную женскую одежду. В наше время девочки и девушки одеваются в платья из штапеля или сатина, ярких и пестрых расцветок. Платья шьют с длинными рукавами, на кокетке или отрезные в талии, с отложным воротничком, и разрезом на груди, либо круглым по шее вырезом, с застежкой сзади платья, как правило, длиной до колен. Под платьем девочки носят фабричного образца белье или шаровары спортивного типа. По покрою девичьи платья близки к современным так называемым «узбекским» платьям или платьям, носимым в Казахстане и Киргизии.

Рис. 6. Молодая женщина из сел. Маныш

После выхода замуж в большинстве случаев курдская женщина надевает традиционную одежду (рис. 6, 7).

* * *

Сближение курдской материальной культуры с туркменской в значительной степени объясняется влиянием на них русской городской культуры. Помимо жилища и пищи, это влияние сказывается также в одежде, особенно мужской. Современный мужской костюм у подавляющего большинства курдов, как и у туркмен,— городского типа, только у стариков и мальчиков-подростков он сохраняет в покрое некоторые традиционные черты.

Большинство мужчин носит костюм и обувь фабричного производства, фуражку или барашковую шапку. Некоторое распространение имеют туркменская тубетейка и халат (рис. 8).

В женском костюме — наиболее консервативном элементе материальной культуры — также сказывается туркменское влияние. Так, многие курдянки (особенно живущие по соседству с туркменами) шьют рубахи из туркменского кустарного шелка красного цвета — «гырмызы кетени». Несколько изменился их покрой: рубахи шьют без вставки («консерфаки») на груди, более узкими, чем из покупного материала (видимо, потому, что ширина полотна кустарного шелка уже фабричного), с вышивкой вокруг ворота, характерной для туркменских платьев. Красный цвет, прежде довольно редко встречавшийся в женских рубахах курдянок, стал одним из любимых ими.

Некоторая часть курдских женщин стала носить туркменский национальный костюм (рис. 9).

Курдянки, живущие в городах, районных центрах и селениях, расположенных неподалеку от них, одеваются по-городски. Зимней одеждой как сельских, так и городских жителей служат пальто, купленные в магазине, или «панджак» — теплые жакеты до бедер, сшитые по образцу фабричных.

Семейные обычаи и обряды курдов и тюрков все еще значительно отличаются от туркменских.

Своеобразие сохраняется в свадебном обряде²³. Как и у других народов, свадьба у курдов и тюрков (свадебные обряды их также имеют некоторое различие между собой) является большим торжеством в жизни семьи и односельчан.

Рис. 7. Женщина в традиционной курдской одежде из сел. Чули

В годы советской власти произошли значительные изменения в порядке оформления брака, уничтожен калым, упростилась свадебная обрядность, ушли в прошлое элементы его, не соответствующие советской действительности. Сговор малолетних, сорогат и левират сохраняются лишь как пережиток в отдельных случаях; исчезли браки умыканием и т. д., однако в основном свадебная обрядность осталась традиционной.

В качестве сватов (ильчи) выступают самые близкие родственники юноши (отец или брат, мать или сестра, а также дяди по матери); отец сам ведет переговоры с родителями девушки относительно приданого и сроков свадьбы. Как и раньше, принято, чтобы родители жениха делали подарки невесте с момента сговора до свадьбы²⁴. У гермабских тюрков в свадебном поезде, едущем за невестой, присутствует мать или сестра

жениха, которая вводит невесту в свой дом. Свадебное празднество («дават», «той»), как и у других народов, происходит весьма торжественно. Наряду со скачками («хасправанен»), борьбой («талаш»), стрельбой из ружей в цель и т. д. курдская свадьба сопровождается темпераментными массовыми танцами («ек карси», «до карси», «се карси» и др.) и песнями.

Событием в жизни курдской семьи является наречение имени ребенку, которое сопровождается торжествами, длящимися иногда в течение нескольких дней. Имя дается на 7-й день дядей по матери («даи») или, если даи нет, отцом ребенка. При этом присутствуют все родственники и односельчане. Наряду с традиционными именами: Абаскули, Абдулла, Эсен, Алибег, Майрам, Фатьма, Мусума и др. довольно часто встречаются туркменские, а также русские имена.

²³ См. А. Мамедназаров, Свадебные обряды курдов Туркмении, «Изв. АН ТССР. Серия обществ. наук», Ашхабад, 1963, № 1.

²⁴ Среди фирюзинских курдов широко был распространен в прошлом обычай сговора малолетних. В этих случаях подарки делали по праздникам.

Из прочих семейных обрядов наиболее устойчиво сохраняет традиционные формы похоронный: у курдов принято обмывать покойника не в доме, как у туркмен, а в сарае или во дворе; сопровождать покойника на кладбище могли также и женщины. Прежде курды и турки хоронили своих покойников на одном кладбище, отдельно от туркмен. Теперь встречаются общие туркменско-курдские кладбища, что раньше считалось недопустимым из-за религиозных различий: как известно, туркмены принадлежали к суннитскому, а курды — к шиитскому толку ислама.

Национальное своеобразие ярко проявляется в фольклоре курдов. На семейных торжествах и колхозных празднествах наряду с туркмен-

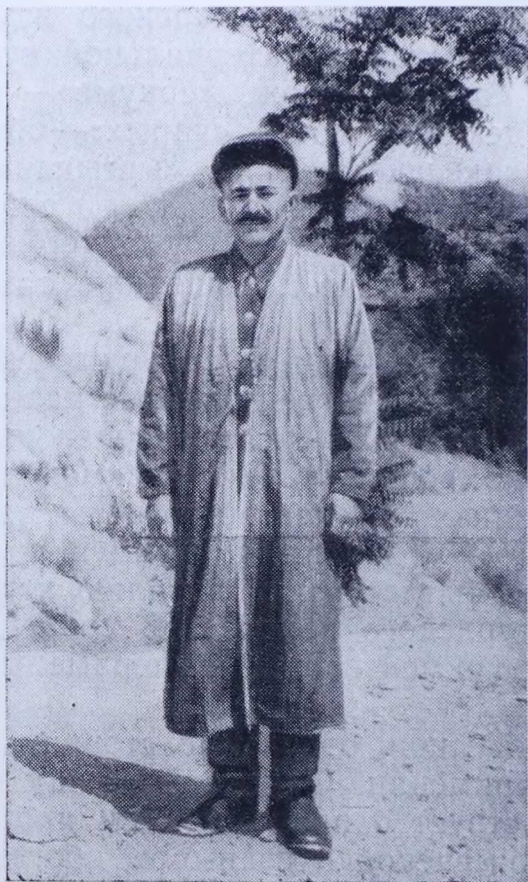

Рис. 8. Курд в туркменском халате, сел. Чули

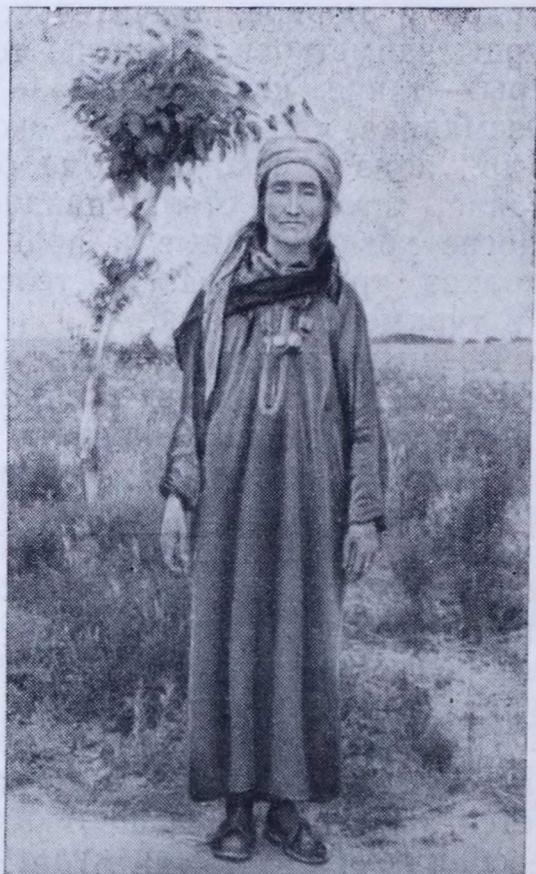

Рис. 9. Курдянка в туркменском платье, сел. Багир

скими и русскими исполняют разнообразные курдские песни, рассказывают сказки²⁵. Разнообразны пословицы, поговорки, загадки.

Курдское и тюркское население Туркмении двух- и даже трехязычно: кроме родного языка, они знают еще туркменский и русский. На туркменском, а в ряде селений (Гермаб, Фирюза) на русском, проводится обучение в школах; на этих же языках ведется делопроизводство в учреждениях, на предприятиях и в колхозах; туркменский язык служит в большинстве случаев средством общения курдов с соседями-туркменами.

В семьях значительной части курдского (и тюркского) населения разговорным языком почти всегда остается родной язык. Однако дети, молодежь и среднее поколение, обучавшиеся в школах в советское время, между собой предпочитают говорить по-туркменски.

²⁵ Ч. Х. Бакаев, Указ. раб., стр. 153—201.

Очень важным свидетельством далеко продвинувшегося процесса сближения с туркменами служит то обстоятельство, что из 2263 чел., считающих себя курдами, 881 чел. родным языком назвали туркменский²⁶.

Все тюрки и курды, живущие в Фирюзе и Гермабе, в совершенстве знают русский язык и в меньшей мере — туркменский. Так, женщины и дети из Гермаба, редко выезжающие за пределы своего селения, плохо владеют туркменским, несмотря на то, что их родным языком является тюркский, близкий к туркменскому.

Почти все мужчины — курды средних лет и часть женщин также говорят по-русски.

Туркменские и русские бытовые слова проникают в родные языки курдов и тюрков, значительно обогащая их. Из туркменского языка курды заимствовали многие термины хозяйства и материальной культуры — такие, как: «комек» — помощь, «пичаг» — нож, «еркуме» — полужемлянка, «дон» — халат, «койнек» — девичье платье, «чарых» — обувь и др., а из русского, кроме бытовых, «акышке» — окно, «ыстыкан» — стакан, «стол» — стол, «панджак» — женская жакетка и т. д., еще и многие хозяйственные и политические, общественно-бытовые термины (колхоз, трактор, газета, телефон, телеграф и др.), вошедшие также и в туркменский язык.

Развитие курдской культуры идет в тесной связи с туркменской. Вместе с тем туркмены восприняли от курдов многие полезные навыки. Например, курдянки научили туркменок вязать шерстяные разноцветные носки («джорап»), которые широко вошли в быт туркменского населения; в ковровых изделиях и вышивках туркмен встречается узор, называемый «курт накыш» (курдский), а у западных туркмен среди видов мужской одежды до сих пор еще бытует узкий в талию халат, типа архалука, «курт бичим» (халат курдского покроя). В современный репертуар танцевального искусства туркмен вошли темпераментные курдские и белуджские танцы и т. д.

Приведенный материал характеризует лишь отдельные стороны современной культуры и быта курдов Туркмении. Однако, как нам кажется, он с полной ясностью свидетельствует о происходящем процессе сближения курдской культуры с туркменской и взаимном обогащении обеих культур.

Постепенное сближение, а в будущем слияние с туркменами курдов и тюрков — один из важных этапов в процессе консолидации туркменской социалистической нации.

SUMMARY

The authors use field ethnographic material collected by them in 1962 among the Kurds dwelling in the southern part of the Turkmenian Soviet Socialist Republic, to trace the ethnic development of this population group.

It should be noted that the term «Kurd» is used, with reference to the given area, to denote both the Kurdish-speaking and Turkic-speaking people who designate themselves as «Turk». The specific character of the culture of these two groups lies in the fact that, in spite of the linguistic difference, they stand close to each other ethnographically and anthropologically. This was noted by Russian and West-European authors in the 18th and 19th centuries with regard to these two groups in Eastern Iran (Khorasan).

At the present time, an intensive process is underway in the Turkmenian SSR whereby the Turkmenian and Kurdish cultures are coming closer together and exert reciprocal influence.

²⁶ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Туркменская ССР», М., 1963, стр. 128—129, табл. 53.

© 1997 г., ЭО, № 2

Г.П. Васильева

ИЗДЕЛИЯ ЖЕНСКОГО НАРОДНОГО ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ТУРКМЕН (ИХ РОЛЬ В УСТАНОВЛЕНИИ ЭТНИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ)

Декоративно-прикладное искусство любого народа тесно связано с бытом. Наряду с удовлетворением эстетических потребностей оно имеет утилитарное назначение и обычно отражает этнические связи. У туркмен это особенно относится к чисто женским занятиям: ковроткачеству (хотя в годы советской власти оно приобрело и профессиональный характер), кошмовалаянию и вышивке. И в настоящее время все они широко бытуют и развиваются.

В конце 40-х, в 50-е и в начале 60-х годов наш туркменский этнографический отряд работал в составе Хорезмской комплексной археолого-этнографической экспедиции, обследуя северные, восточные и западные районы Туркменской республики. Уже тогда был собран большой материал по декоративно-прикладному искусству туркменского народа. В последующие годы вплоть до конца 80-х годов материал собирался по южным и западным районам республики. Таким образом, стало возможным обобщение всех имеющихся данных.

Ковроткачество – один из самых древних видов туркменского прикладного искусства – достигло высокого совершенства. Ковры и ковровые изделия отдельных туркменских племен отличались друг от друга по цвету, характеру узора, технике тканья и т.д.¹ По технике ткачества туркменские ковровые изделия делились на ворсовые и безворсовые (паласная техника), а также сотканые смешанной техникой. Последних было немного. К ним принадлежали главным образом иомутские дорожки – *голан* (их протягивали вокруг юрты с внешней стороны для укрепления камышевых циновок) (рис. 1), вещевые мешки – *чувал* и *хурджин*, а также *бильюн* – дорожки, опоясывающие и скрепляющие остов юрты, обращенные орнаментированной стороной внутрь помещения. Внутри юрты ковровые изделия – большие и средней величины сумки для одежды, маленькие – для утвари, ковровые полосы для украшения купола и стен, занавеси на дверь, наконец, постилочные ковры заменяли мебель и служили прекрасным украшением интерьера.

Ткать ковры умела буквально каждая туркменская женщина из таких крупных племен как иомуты, текинцы, сарыки, эрсари, гоклены и другие. Не владели искусством ковроткачества лишь небольшие туркменские земледельческие племена – нохурли, мехинли, мурчали, али-эли и некоторые еще. Искусством ковроткачества девочки овладевали сызмальства.

В сельской местности, особенно в скотоводческих районах, где много пастбищ и селяне имеют возможность держать большое количество мелкого рогатого скота, ковроткачество остается одним из основных видов домашних занятий. Наряду с постилочными коврами женщины ткут и различные ковровые изделия, в большинстве случаев иного назначения, чем прежде.

Так, значительно меньше делают ковровых сумок, сохраняющих в наши дни главным образом декоративное значение, почти не производят ламбрекенов и ковровых дорожек для юрт, ковриков для украшения свадебного верблюда; вместо этих

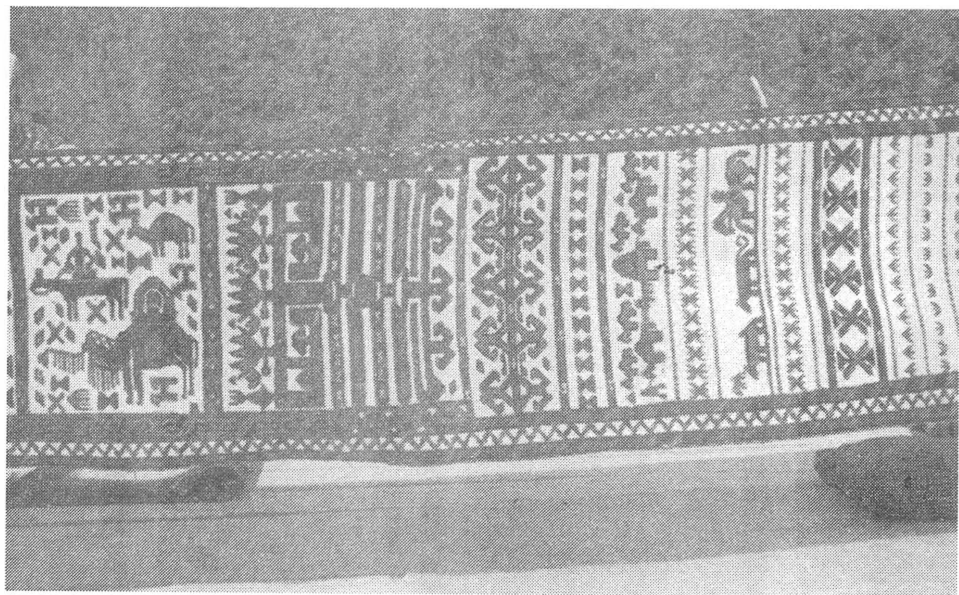

Рис. 1. Иомутская дорожка голан

вещей женщины ткнут небольшие настенные коврики с кистями, чехлы на кресла и на сиденья в автомобилях, седла для мотоциклов и велосипедов, женские сумочки и т.д.

На ковры идет овечья шерсть весенней стрижки, так как она более прочная, эластичная и длинная, однако иомуты использовали и осеннюю. Шерсть предварительно расчесывается специальными гребнями, а затем прядется и красится. Для туркменских ковров характерно преобладание красных тонов разных оттенков от ярко-алого до густого вишневого и лилово-коричневого. Наряду с ними употреблялись также желтый, темно-зеленый, синий и темно-синий, белый (кремовый), а также коричневый цвета. Черный обычно мало применялся из-за своей контрастности.

Традиционные ткацкие станки – горизонтальные; мастерица сидит на уже сотканной части изделия. Основа изделия может быть хлопчатобумажной или шерстяной, однако прежде туркменки хлопок для основы не употребляли и лишь изредка применяли хлопчатобумажную пряжу как ворсовую для декоративных целей. Для мелких деталей узора каймы и основного коврового орнамента вводили и шелковую пряжу. В районах высокоразвитого земледелия (Мерв, Ахальский оазис) туркменки использовали хлопчатобумажную нить, шелк и верблюжью шерсть и для уточной нити. У човдуров в конце XIX в. кроме овечьей шерсти широко использовали козью и верблюжью, а также хлопок. На одноцветной основе на каждой паре нитей после пропуска утка завязываются узлы, которые затем вместе с одноцветной нитью, пропущенной за ними, прибиваются гребнем – *дарак*. Нити для утка выбирали тщательно, соединяя в различных комбинациях верблюжью и овечью шерсть, шелк и хлопчатобумажные нити. Туркмены употребляли при ковроткачестве два вида узлов – двойные – *дуочитме* и полуторные – *ярачитме*. В литературе первые называются *гиордес*, иначе «персидскими», вторые *зенне* – «тюркскими» или «немецкими»².

Детальное и всестороннее изучение ковроткачества у разных народов почти всех районов Средней Азии позволило В.Г. Мошковой сделать чрезвычайно интересные выводы этногенетического характера, основанные на общности или различии ряда признаков. Один из них касается техники узлового ткачества ковровых изделий – признака чрезвычайно устойчивого и поэтому определяющего. По этому признаку В.Г. Мошкова делит все среднеазиатские ковры на две группы: 1) изделия, сотканые преимущественно наиболее распространенным в Средней Азии полуторным узлом и

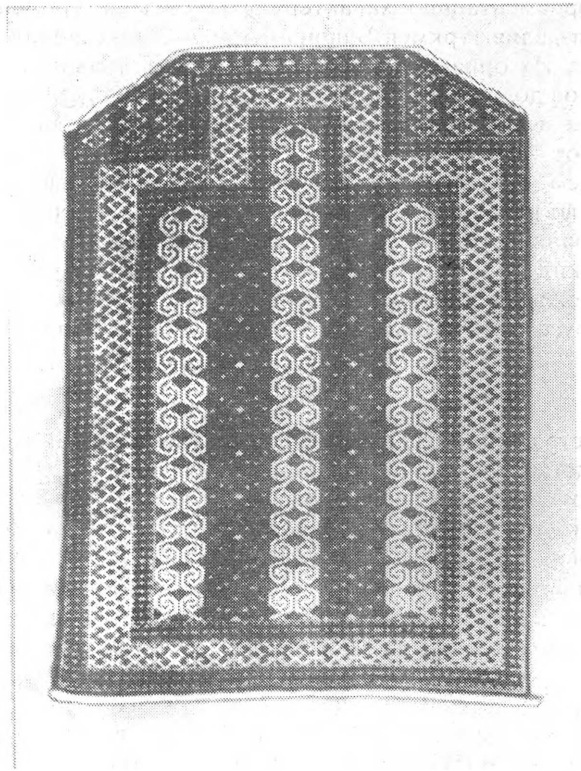

Рис. 2. Ковровый намазлык (коврик для совершения молитвы)

2) изделия, сотканые двойным узлом, используемым по всей площади изделия лишь немногими группами ковровщиц: узбечками (дештикипчакские группы), ткавшими длинноворсовые ковры, туркменками племени сарык, ковровщицами из некоторых групп иомутов и каракалпаками³ (рис. 2). С. Азади, издавший в Гамбурге книгу о туркменских коврах, независимо от В.Г. Мошковой также сгруппировал туркменские ковры по технике узлового, отмечая, что сарыкские и иомутские ковры в отличие от большинства других ткются двойным узлом⁴.

Анализируя ковровые изделия с точки зрения художественных принципов их ornamentации, В.Г. Мошкова показала родство ковровых изделий нуратинских узбеков племени «туркман» с изделиями всех основных туркменских племен и особенно човду-ров, игдыров и арабачей – племен, сохранивших (кроме последнего) огузские этнонимы. Общность, которую отметила В.Г. Мошкова, не просто совпадение. Оно имеет под собой историческую основу. Известно, что нуратинские туркмены, впоследствии обузбеченные и теперь считающие себя узбеками, это потомки тех туркмен-сельджуков, которые не последовали за основной массой своих сородичей в их движении на юго-запад в XI–XII вв., а остались в Нуратинских горах – местах, занимаемых туркменами-огузами еще с конца X в. после ухода с берегов Нижней Сырдарьи.

Напомним, что в легендах и преданиях о происхождении современных туркмен Нур-кара-баир (Нуратинские горы) считается родиной ряда туркменских племен и, в частности, човду-ров⁵.

Вместе с тем, эта общность является свидетельством древних традиций ковроделия, которыми владели огузы, усвоившие, как, вероятно, справедливо считает В.Г. Мошкова (хотя в ее суждениях можно увидеть и некоторое противоречие), это занятие от аборигенного скотоводческого ираноязычного населения⁶.

По принципам орнаментации и характеру орнамента из туркменских ковров выделяются ковровые изделия туркмен Башира-Бурдалыка – селений по правому берегу Средней Амударьи. Их орнамент, чаще всего растительный, роднит их с коврами киргизов Ферганской долины и отчасти с малоазийскими турецкими коврами XVIII в. Кроме того в основе некоторых ковровых мотивов лежат древние местные традиции, которые указывают на тесную этногенетическую связь туркмен этого района с соседним населением – таджиками и узбеками. Мы имеем в виду немногочисленную группу ковров с не встречающимся ни у кого более змеиным орнаментом. Культ змеи, широко распространенный в прошлом среди древнего ираноязычного населения Средней Азии, дожил до наших дней в ковровой орнаментике только этой группы туркмен, хотя пережитки змеиного культа отмечены в виде оберегов, амулетов и поверий также у других туркменских племен, повсеместно у таджиков и т.д.⁷.

* * *

Широко распространенным занятием туркменских женщин издавна было кошмо-валяние – производство одноцветных и узорных войлоков. Еще С.Г. Гмелин во второй половине XVIII в. отмечал наличие и даже товарный характер этого вида промысла у прикаспийских туркмен. «Они продают... войлочные одеяла (имеются в виду кошмы – Г.В.) из плохой овечьей шерсти, чаще всего окрашенной... бухарцам и жителям Хивы»⁸. Валянием одноцветных войлоков для покрытия юрт, войлочных попон для лошадей, войлочных накидок для чабанов и т.д., а также выделкой узорных войлоков занимались почти все народы, в хозяйстве которых овцеводство играло большую роль.

В Средней Азии и Казахстане выделкой войлочных ковров занимались казахи, киргизы, часть узбеков, каракалпаки и туркмены. В отличие от первых двух народов, а также от некоторых полукочевых в прошлом узбеков, которые выделывали несколько видов войлочных ковров (с узором, созданным аппликацией из ткани или цветного войлока по одноцветному фону, узорной стежкой по войлоку, мозаичные или инкрустированные, с вкатанным узором и т.д.), туркмены так же, как каракалпаки и часть узбеков, знали лишь один способ выделки узорных войлоков, в котором они достигли высокого совершенства – техникой вкатанного узора.

Войлоки выделывались не всеми туркменами. Так, исконные земледельческие небольшие племена северных склонов Копетдага и ряд племен в приамударьинских районах, не знавшие искусства ковроткачества, не занимались и кошмовалянием, возможно, потому, что не имели достаточного количества мелкого рогатого скота.

Наиболее славились своими войлочными изделиями туркмены-иомуты и сарыки, которые уже в конце XIX в. производили простые и узорные войлоки для сбыта на местном рынке. В «Обзоре Закаспийской области» отмечалось, что «сарыкские женщины в Елатани готовят на несколько тысяч рублей узорчатые и простые войлоки, которых ежегодно ими выделывается приблизительно до 25 тыс. штук, на что идет от 18 до 20 тыс. пудов шерсти... Некоторые сарыки изготовляют в год до 1000 и более кошм для оптовой продажи в Мерве, для чего скупают шерсть и нанимают десятки работниц»⁹.

Ф.А. Михайлов, указывая на большую роль в жизни туркмен войлочных изделий, делит их на кибиточные (т.е. для покрытия остова юрты) серого и белого цвета, постилочные, темные и украшенные цветным узором, и белые войлоки для попон, потников и пр. Постилочные войлоки он называет *кошмами*. Ф.А. Михайлов сообщает, что самые лучшие кошмы в Закаспийской области делали иомутские женщины в Красноводском уезде¹⁰.

А. Фелькерзам, ссылаясь на «Военный сборник» за 1872 г., писал: «... толстые и прочные цвета с пестрым рисунком (иомутские кошмы. – Г.В.) часто заменяют настоящие ковры»¹¹.

Другие туркмены Закаспийской области – главным образом текинцы, салоры и

небольшая группа ата – не отличались особым искусством в выделывании узорных войлоков, хотя у последних двух групп, по словам наших информаторов, этот вид декоративно-прикладного искусства был известен давно. Текинцы же, марыйские и тедженские, стали валять узорные войлоки в начале XX в. До этого их кошмы были белыми с вкрапленными кое-где цветными пятнышками или свалянными из сероватой шерсти ягнят – так называемые *гызыл-кече*¹². Хорезмские иомутки и эрсари, жившие на Средней Амударье в пределах Бухарского ханства, в прошлом также валяли узорные войлоки.

Узорное кошмоваление в наши дни сохраняет и развивает свои художественные традиции. Оно распространилось среди туркменского населения почти всей республики, причем в последние 40–50 лет стало развиваться даже в чисто сельскохозяйственных областях, где прежде им не занимались, так как у населения было мало мелкого рогатого скота и, кроме того, отсутствовали устойчивые традиции кошмоваления. Если прежде много шерсти уходило на производство простых войлоков для покрытия юрт, на потники и попоны для лошадей, то теперь, когда юрта сохраняется лишь как сезонное жилище или жилище чабанов, отпала необходимость в таком массовом производстве белых войлоков. Поэтому сельские жители имеют возможность всю овечью шерсть, накопленную за несколько сезонов, использовать для изготовления из разноцветной шерсти войлочных ковров (*кече*) для пола. До сих пор кошма – необходимая принадлежность быта, предмет декоративного убранства комнаты или юрты. Ими украшают весь пол в два–три слоя, в комнате для гостей стелят под ковер; запасные кошмы укладывают вместе с одеялами и подушками на укладку (*юкери*).

Прежде на кошмы использовали шерсть летней и осенней стрижки, так как весенняя (лучшая) обычно шла на производство ковров и других тканых изделий; теперь же в большинстве случаев, если не ткут ковров, для кошмы используют всю шерсть, причем осенняя идет на нижний и средний слои¹³.

Обычно узорные кошмы имеют прямоугольную форму со слегка закругленными углами. Их средний размер 2,5 × 1,5 м, встречаются кошмы и больших размеров – 4 × 2,5 м и меньших – 1,5 × 1 м. В тех районах, где прочно сохраняется юрта (чаще всего на западе, так как там до сих пор преобладает животноводство) валяют и большие П-образные узорные войлоки *очаг-баши* (*оджаг-баши*), которые покрывают почти целиком всю площадь пола юрты, оставляя открытым лишь место очага. В наиболее широкой своей части очаг-баши достигает 6–6,5 м. Помимо описанных выше войлочных ковров изготавливаются еще и небольшие коврики (*намазлык*) для исполнения молитвы. Намазлык невелик по размерам (до 1,5 × 1 м) и имеет полуовальную или изредка даже овальную форму.

По характеру орнамента и стилю узорные войлоки всех туркмен едины и глубоко национальны; вместе с тем до сих пор у населения разных районов республики сохраняется некоторое своеобразие в орнаментике, постоянно варьируя при неизменности основного стиля композиции. Свообразие это выражается в цвете, а также в названии узоров, которые отражают былые племенные особенности. Кроме белого и черного цветов для узорных войлоков чаще всего употребляют красный разных оттенков, зеленый, желтый и синий. Красный и белый цвета обычно преобладают над другими и определяют общий колорит изделия. Кошмы населения Средней Амударьи выделяются яркостью окраски, необычным для туркмен сочетанием цветов, иногда таких, как ярко-желтый с малиновым, фиолетовым, зеленым.

Как всегда в народном творчестве в кошмах, в отличие от тканых ковров, почти не встречается одинаковых узоров. И тем не менее, по композиции орнаментированные войлоки туркмен довольно четко укладываются в пять основных типов¹⁴.

Три из пяти выделенных нами типов – медальонная, шашечная и сетчатая композиции совпадают с прослеженными В.Г. Мошковой в мелких ковровых изделиях салоров и сарыков¹⁵, две – двухчастная горизонтальная и с вихревыми розетками –

более характерны для западных, центральных и отчасти северных районов республики и близки к первым двум композициям.

В смысловом значении орнаментальные мотивы войлочных ковров чаще всего едины с ковровыми и мотивами вышивок (*гочак* – в кошмах, коврах, *хамтоз* – еще и в вышивках, *гелин бармак* – в кошмах, коврах, вышивках, *тегбент* – во всех трех видах искусства), но обычно воспринимаются иначе вследствие специфики материала и характера выделки вещи. Характерной особенностью туркменского войлочного ковра является оконтуривание узора контрастным цветом. Оконтуривание принято не только при выкладывании центрального узора, но и в промежуточном рисунке и в кайме. Кайма обычно отделена от центральной части кошмы пестрой черно-белой узкой полосой. Преобладает одинарная кайма с двусторонней обводкой в виде прямых линий разного цвета или пестрой линии, состоящая из односторонних завитков (*сарычиан*, *тазе гуйрук*), треугольников или столбикообразных округленных сверху фигур (*хамтоз*, *емзик*); реже встречается двойная кайма с тем же повторяющимся узором или разными и, наконец, тройная. В последнем случае крайние каймы бывают одинаковыми, а средняя отличается от них. Край кошмы (*гыра*) всегда одноцветный – делается из темно-коричневой или черной шерсти с незначительным добавлением серой.

Таким образом, по характеру орнамента и общему стилю войлочные ковры всех туркмен едины, хотя их композиционное решение в разных районах имеет свои особенности. Несмотря на это и то, что не все этнографические группы одинаково хорошо владеют искусством узорного кошимовальния, войлочные туркменские узорные изделия обладают своим особым, присущим только туркменам стилем.

* * *

Туркменская вышивка имеет очень давние традиции. Она своеобразна по технике, характеру орнамента, цветовому решению. В быту туркмен вышивка не была столь распространена, как, скажем, у узбеков или киргизов, которые украшали ею многие предметы быта и интерьер жилого помещения. Туркменки расшивали в основном одежду и головные уборы. Цветными шелковыми нитками они расшивали тюбетейки девичьи и мужские (мальчиков и мужчин), ворот, грудь, подол, а иногда и рукава женских платьев¹⁶, нижний край женских штанов (вокруг щиколотки) (рис. 3), женские шелковые халаты, набрасываемые на голову – *курте*, рукава и края боковых разрезов женских бархатных и шелковых халатов, а также мужские халаты из верблюжьей шерсти *чекмен* и др. Судя по музейным коллекциям конца прошлого и начала нашего века и данным этнографических полевых материалов, ассортимент вышитых предметов в прошлом у туркмен был значительно богаче. Широко распространенными еще в 1920–1930-х годах были прекрасные, сплошь расшитые цветными нитками женские головные халаты – *накидки (чырпы)*, характерные для южных туркмен, главным образом текинцев. Сплошь вышивались женские головные уборы – высокие шапки на войлочной подкладке чаще всего с меховой опушкой по краю – *топбы* туркмен-човдурок, эрсари, шихов и др., нижние женские шапочки човдурок (*ичтахья*), манишки (*наньиджяка*) и манжеты мужских рубах (*гол баг*)¹⁷ у западных иомугов, нижняя часть мужских штанов у сарыков и т.д. Реже украшались вышивкой небольшие сумочки для хранения мелких вещей, края войлочных конских попон и войлочных же накидок пастухов. В музейных коллекциях имеются единичные экземпляры вышитых шерстью тканых дорожек конца прошлого века.

Как элемент украшения вышивка встречалась и на свадебной накидке верблюда – *дуге-башилык* – и на ряде других бытовых предметов.

Ныне вышивкой украшают обычно ворот и рукава женских платьев, детские и мужские тюбетейки, женские национальные халаты. Вышивают не только платья

Рис. 3. Нижний край женских штанов

традиционного покроя: все шире используется туркменская вышивка для украшения платьев как модернизированного национального, так и городского покроя, дамских сумочек, мужских галстуков, ремешков для часов, мужских модных белых рубашек и т.д.

Орнамент, типичный для вышивки в прошлом, довольно близок к узорам на кошмах¹⁸. Наиболее распространена в наше время традиционная техника вышивания швом *коджиме* (или как его обычно называют на юге *кешде*, т.е. «вышивка»), который часто сочетается, особенно на юге, с другим, чисто туркменским петельным швом *ак (сары) кайма*. Шов *ак-кайма*, весьма своеобразный, не имеет пока этнографических параллелей. Он бытовал у южных туркмен-текинцев, сарыков, частично у гокленов и др. Весьма вероятно, что своим происхождением он связан с древним местным населением. *Коджиме*¹⁹ – своеобразный «верхошов» (встречается еще под названием «косая сетка»), закрывающий всю поверхность ткани на месте узора, прежде был распространен менее широко и бытовал в основном в Южном Туркменистане; у многих групп туркмен, в частности, на севере у човдуров, он вытеснил сохранившийся ныне лишь в западной части республики (и то не везде) тамбурный шов иглой – *ильме (ильдирме)*. Судя по музейным коллекциям, этим швом в прошлом вышивали узоры женщины подавляющего большинства туркменских племен и особенно племен, которые входили в состав эсенхановских (човдуров, игдыров, арабачей, вероятно, гокленов, а также живущих на Мангышлаке ходжа и шихов) и более других были связаны с огузским пласгом. На Средней Амударье наряду с тамбурным и петельным широко был распространен гладевой шов – *батлы ерне*²⁰. В современной вышивке используются и все традиционные швы, и новые: на многих платьях и мужских рубашках традиционные мотивы выполнены сравнительно новым для туркмен швом – крестом, часто по канве.

Традиционная техника вышивки туркмен, так же как и техника ковроткачества, даст чрезвычайно интересный материал для этногенеза народа. Так, распространенная ныне на большей части Туркменистана, а прежде, как указывалось, характерная для южных его районов, техника вышивки *коджиме* почти не встречается у других

среднеазиатских народов, кроме южных киргизов (напомним сходство орнамента ковровых изделий башкирской группы туркмен с киргизами Ферганы) и изредка у каракалпаков. За пределами Средней Азии такой шов бытует у юго-западных башкир и, кажется, якутов, т.е. у народов, территориально отдаленных друг от друга, что исключает возможность культурного заимствования и приводит к мысли об общем этническом компоненте в составе указанных народов. Аналогичная вышивка найдена в гуннском могильнике Ноин-ула первых веков н.э. Гунны ли или племена более позднего периода в составе монголов принесли туркменам, башкирам и киргизам эту технику вышивки, пока остается неясным²¹.

В задачу статьи не входит анализ орнамента с точки зрения исторического источника. Это – тема самостоятельного исследования. Здесь можно лишь отметить, что туркменский орнамент в целом наиболее близок к каракалпакскому²²; многие его мотивы связаны с таджикско-узбекскими и эта общность своими истоками уходит в древний местный ираноязычный мир (интересно, что некоторые растительные узоры в вышивке и особенно на ювелирных изделиях туркмен, в частности, туркмен-иомутов, близки к осетинским²³). Некоторые орнаментальные мотивы на сарыкских и иомутских кошмах близки между собой и обнаруживают большую общность с казахскими.

Мы охарактеризовали здесь лишь три вида изделий туркменского прикладного искусства – ковроткачество, кошмовалание и вышивку – то, чем занимаются женщины в своем повседневном быту. Однако даже эти некоторые виды декоративных изделий туркмен (как, впрочем, и большинства других народов) дают интересный материал для установления их этнических связей с рядом народов ирано- и тюркоязычного мира Азии.

Примечания

¹ Мошкова В.Г. Ковры народов Средней Азии в конце XIX–начале XX в. Ташкент, 1970.

² Миртов Б.А. Туркменские ковры за рубежом // Памятники Туркменистана. 1970. № 2 (10).

³ Мошкова В.Г. Указ. раб. С. 38.

⁴ Azadi S. Turkmenische Teppiche und die ethnographische Bedeutung Ihrer Ornamente. Hamburg, 1970. S. 52–53.

⁵ Ниязкльчев К. Туркмены–човдуры (к вопросу о консолидации туркменской нации). Ашхабад, 1968. С. 25.

⁶ Мошкова В.Г. Указ. раб. С. 12. В более ранней статье, написанной в соавторстве с А.С. Морозовой, В.Г. Мошкова утверждала, что у гузов в XI–XII вв. ковроделие «широкого распространения не имело», хотя было «сильно развито среди коренного местного населения», что противоречит ее высказываниям об общности ковровых изделий нурагинских туркмен и туркмен-огузов, у которых оно широко распространилось позднее, в XIII в. См.: Мошкова В.Г., Морозова А.С. К истории ковроделия Мерва // Изв. АН Туркменской ССР. Сер. обществ. наук. 1961, № 1. С. 38; см. также: Бартольд В.В. Собр. соч. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 501.

⁷ Андреев М.С. Поездка летом 1928 г. в Касанский район // Изв. об-ва для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Т. I. Ташкент, 1928. С. 113–114. О распространении этого культа у туркмен и таджиков см.: Хамиджанова М.Х. Некоторые представления таджиков, связанные со змеей (Сб. «Памяти М.С. Андреева») // Тр. АН Таджикской ССР. Т. СХХ. Сталинабад, 1960; Васильева Г.П. Магические функции детских украшений у туркмен // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986. С. 190.

⁸ Гмелин С.Г. Пугешествие по Каспийскому морю на восточный его берег в 1773 г. // Тр. Туркменского географического об-ва. Вып. I. Ашхабад, 1958. С. 213.

⁹ Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 г. Асхабад, 1897. С. 82–83.

¹⁰ Михайлов Ф.А. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Асхабад, 1900. С. 69.

¹¹ Фелькерзам А. Старинные ковры Средней Азии // Старые годы. 1914. Октябрь–декабрь. С. 108.

¹² Полевые записи автора. Сентябрь 1969 г.

¹³ Техника изготовления войлочных изделий одина для всей республики, поэтому здесь мы не будем ее описывать. См. подробнее: Васильева Г.П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969. С. 140–143. Очень подробно техника изготовления войлочных изделий у монголоязычных народов дана в кн.: Кочешков Н.В. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX – середины XX в. М., 1979. С. 82, 135, 176 и др. В целом процесс валяния войлока один для всех народов и

различается только в деталях, характерных для каждого из них и зависящих от особенностей хозяйства, природных условий и т.д.

¹⁴ Об этом говорилось в нашем докладе «Типология туркменских узорных войлоков» на Международной конференции по среднеазиатскому ковроделанию в Ленинграде (15–21 мая 1988 г.).

¹⁵ *Моцкова В.Г.* Указ. раб. С. 130, 133.

¹⁶ А.С. Морозова выделяет четыре группы районов, отличавшихся друг от друга по способам украшения платья вышивкой. См.: *Морозова А.С.* Туркменская одежда второй половины XIX–начала XX в. // Занятия и быт народов Средней Азии (Среднеазиатский этнограф. сб. III). Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 97. Л., 1971. С. 198.

¹⁷ Коллекция ГМЭ от Дестегуль Иомудской. 1929 г. О-в Челекен-даул Гасан-Кули.

¹⁸ Характеристику разных видов туркменских швов см.: *Султанова В.М.* Некоторые вопросы орнамента туркменской вышивки конца XIX–начала XX в. // Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен. Ашхабад, 1973. С. 120 и далее. Однако не все из приводимых в статье швов зафиксированы нами, так как по нашим материалам некоторые из них – более позднее заимствование (например, шов *басма*) – не характерны для туркмен.

¹⁹ Термином *коджиме* туркмены называют также переплетение веревочных петель на хурджуме; вышивка этим швом очень похожа на указанное переплетение.

²⁰ *Пиркулиева А.* Домашние промыслы и ремесла туркмен долины Средней Амударьи во второй половине XIX–начале XX в. Ашхабад, 1973. С. 28.

²¹ Подробнее см.: *Васильева Г.П.* О некоторых общих элементах в культуре туркмен и башкир в связи с их этногенезом // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа, 1971. С. 200, 204.

²² *Жданко Т.А.* Изучение народного орнаментального искусства каракалпаков // Сов. этнография. 1955. № 4. С. 62–63.

²³ *Хохов А.З.* Осетинский народный орнамент. Дзауджикау, 1948. Табл. XXV; *Берладина К.А.* Народная вышивка в Северной Осетии // Изв. Северо-Осетинского НИИ. Т. XXII. Вып. IV. Орджоникидзе, 1960. Рис. 11 и др.

G. P. V a s i l i e v a. Species of the women's folk arts of Turkmen (their role in interethnic contacts)

The author generalize data on the folk arts, which she collected during her expeditions to Turkmenia in 1940s. Her special interests are manufacturing of carpets and technique of embroidery. These materials illustrate the contacts of Turkmen with neighboring Iranian and Turkic peoples.

© 1997 г., ЭО, № 2

А.Р. Садокова

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ЯПОНСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ*

Одной из отличительных черт японской народной поэзии по праву считается ее неразрывная связь с синтоистскими и буддийскими обычаями и обрядами, народными верованиями и праздниками. И это характерно не только для обрядовой поэзии, но и для песен других жанров: трудовых, игровых, детских и др. Интересно, что вокруг некоторых синтоистских и буддийских обрядов с течением времени сложилась самобытная «собственная» система песенного сопровождения и сформировались своего рода «песенные массивы». Песни в них были объединены по принципу причастности к тому или иному обряду (культу) – будь то песни, непосредственно сопровождающие

* Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (проект № 96-04-06273).